

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБ ОШИБКАХ КАЗАХСКИХ ЯЗЫКОВЕДОВ *

Теоретическая и организационная перестройка языковедческой работы, начавшаяся во всех лингвистических учреждениях страны после выхода в свет классических трудов И. В. Сталина по языкознанию, имела место также в соответствующих научных учреждениях Казахской ССР, в которых ошибочная теория Н. Я. Марра насаждалась в продолжение ряда лет и имела своих последователей или поклонников. Языковеды Казахстана провели значительную работу по популяризации сталинского учения о языке, выступая со статьями на страницах республиканской печати, с докладами и лекциями в различных аудиториях г. Алма-Аты и других городов республики. Языковеды центральных лингвистических учреждений Казахстана пересмотрели проблематику и тематику, а также планы научно-исследовательской работы, подвергли критическому пересмотру в свете положений И. В. Сталина законченные или начатые ими труды. Важным мероприятием в деле изживания на практике теоретических заблуждений, порожденных «новым учением» о языке, явилась языковедческая дискуссия в Казахстане, состоявшаяся в марте 1952 г.

Дискуссия значительно прояснила многие спорные или запутанные вопросы казахского языкознания и расчистила путь для дальнейших исследований в области основных проблем казахского языка. К чести языковедов Казахстана следует сказать, что они были первыми среди лингвистов-тюркологов, выдвинувшими на обсуждение ряд важнейших вопросов тюркского языкознания в свете положений марксистского учения о языке, гениально разработанных в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Серьезное значение для дальнейшего развития казахского языкознания имела научная конференция по изучению языков народов Средней Азии и Казахстана, состоявшаяся в феврале 1951 г. в Ташкенте, на которой тюркологи-казаховеды выступили с рядом докладов по важнейшим проблемам грамматики и лексики.

За последние два года в Казахстане вышел ряд монографий, например, Ж. Доскараева и Г. Мусабаява о местных особенностях казахского языка, Г. Мусабаява о степени сравнения в казахском языке, А. Калыбаевой о категории залога в казахском языке¹, ряд журнальных статей, посвященных разработке актуальных вопросов теоретического и прикладного языкознания в свете сталинского учения о языке²; стабильные учебники по языку, построенные по-новому, как, например, «Грамматика казахского языка» для V—VI классов средней и неполной средней школы, составленная А. Искаковым и К. Ахановым³.

* Статья Э. В. Севортяна содержит мотивировку и конкретизацию заключения Сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР о работе казахских лингвистов. Она основана на материалах автора, Б. М. Юнусалиева, А. А. Юлдашева и др. и суммирует, таким образом, мнения научных сотрудников сектора.

¹ См. Ж. Доскараев и Г. Мусабаяв, Местные особенности казахского языка, ч. I, Алма-Ата, Изд-во АН Казах. ССР, 1951 [на казах. яз.]; Г. Мусабаяв, Степени сравнения в казахском языке, Алма-Ата, Изд-во АН Казах. ССР, 1951 [на казах. яз.]; А. Калыбаева, Категория залога в казахском языке, Алма-Ата, Изд-во АН Казах. ССР, 1951 [на казах. яз.].

² См. М. Б. Балакаев, Некоторые вопросы словосочетания в казахском языке, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1952, № 6, стр. 38—60 [на казах. яз.] Х. Махмудов, К вопросу о сравнительно-историческом методе и критика четырехэлементного анализа Н. Я. Марра, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1951, № 4, стр. 34—63; см. также статьи в «Известиях АН Казахской ССР» за 1951—1952 годы.

³ См. А. Искаков, К. Аханов, Грамматика казахского языка, ч. I, Алма-Ата, Казах. учпедгиз, 1952 [на казах. яз.].

Внимательный анализ печатной продукции, посвященной казахскому языку, показывает, что языковеды Казахстана начали теоретическую разработку важнейших научных вопросов казахского языкознания с позиций сталинского учения о языке, что уже сделаны первые, пока еще робкие и медленные, шаги в деле внедрения марксизма в практику научно-исследовательской работы, что казахские товарищи стремятся сочетать и объединить вопросы теории и практики казахского языкознания.

Изданные работы вместе с тем показывают, что в казахском языкознании еще не до конца изжиты взгляды и представления, идущие от ошибочной антимарксистской теории Н. Я. Марра и его «продолжателей». Нет сомнения, что казахские товарищи сегодня понимают глубже и яснее размеры и характер вреда, нанесенного господством лженаучной теории Н. Я. Марра казахскому языкознанию, что свои работы, опубликованные в 1951 и даже в 1952 г., они написали бы сегодня лучше, чем написали их вчера. Однако советская общественность не может пройти мимо теоретических ошибок, допущенных казахскими языковедами.

Республиканская печать в лице газет «Казахстанская правда» и «Социалистік Қазақстан» уже выступила с разоблачением теоретических ошибок, имевших место в научных работах по казахскому языку за последние 2—2½ года. Сами казахские лингвисты не остались глухи к этим выступлениям печати, и на широком собрании, организованном Ученым советом Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР в ноябре прошлого года, ряд товарищей выступили с острой критикой марровских ошибок, допущенных языковедами Казахстана. Ошибки и повторения положений «нового учения» о языке в трудах казахских языковедов выражаются: 1) в переоценке семантики в ущерб грамматике; 2) в смешении логического и грамматического; 3) в недооценке морфологии и преувеличении роли синтаксиса.

Переоценка семантики в ущерб грамматике выразилась, например, в навязывании казахскому предложению категории активного и пассивного субъектов, не имеющих в тюркских языках своего специфического грамматического выражения. «В казахском языке,— говорит автор теории об активном и пассивном субъектах,— фактически не существует грамматической дифференциации активного и пассивного типа подлежащего... Категории активности и пассивности субъекта в казахском языке, в основном, носят смысловой, вернее, логический характер и принадлежат к синтаксическим явлениям»⁴ (разрядка наша.— Э. С.).

Вслед за этим утверждением, в котором реальное значение предложения отождествляется с грамматическим, а синтаксис выводится за пределы грамматики, автор делает вывод: «Следовательно, и активность и пассивность субъекта обуславливаются структурными особенностями предложений»⁵. Здесь все поставлено на голову: причина принимается за следствие и наоборот. Между тем передача активного или пассивного субъекта связана лишь с конкретным составом предложения, но отнюдь не с его грамматической стороной, т. е. структурой. Приводимые автором далее иллюстрации лишь подтверждают впечатление, что в грамматическом явлении (в данном случае в пределах категории предложения) рассматривается его неграмматическая, т. е. логическая или вещественно-смысловая сторона. Теория активного и пассивного субъектов навязана работами Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова и др. К тюркскому языкознанию данная проблема не имеет отношения, и в нем никогда серьезно не возникал вопрос об активном или пассивном субъекте в его отношении к предложению.

В другом месте своей работы М. Балакаев еще раз обращается к активности-пассивности, настаивая на том, что «все же следует различать подлежащие потенциальные, выражаемые активными существительными и личными местоимениями, и подлежащие, выражаемые именами, по смыслу и по основным функциям являющимися или объектом или каким-нибудь признаком предмета»⁶. Как явствует из слов автора, синтаксическая функция существительного ставится в зависимость от реальной, вещественной функции предмета, выраженного этим существительным.

Уместно вспомнить, что лексико-семантическое значение члена предложения в работах последователей Н. Я. Марра часто заслоняло и растворяло в себе грамматическое значение членов предложения. Наш автор не доходит до такой крайности, но в отдельных местах своего исследования он склонен переоценить семантическую сторону изучаемых явлений. К таким случаям относится, например, положение о том, что «семантика и синтаксическая функция косвенных падежей (за исключением родительного) тесно связаны, главным образом, с лексическими значениями глаголов»⁷. Среди советских языковедов сейчас нет, кажется, разногласий в вопросе о том, что словоизменительные категории, к числу которых относятся, также и падежи, среди всех грамматических категорий языка в наибольшей степени свободны от давления лексического значения и ближайшим образом напоминают геометрические отношения,

⁴ М. Б. Балакаев, Основные вопросы синтаксиса простого предложения в современном казахском языке. Автореферат докт. дисс., Алма-Ата, 1950, стр. 15.

⁵ Там же, стр. 15—16.

⁶ Там же, стр. 18—19.

⁷ Там же, стр. 9.

лишенные всякой конкретности. Поэтому с вышеприведенным положением автора согласиться трудно. Иной вопрос, что *реализация* (употребление) многообразных значений и функций косвенных надежд требует определенных условий, в числе их также и лексических.

Следует сказать, что обостренное внимание автора к конкретной смысловой стороне синтаксических фактов казахского языка сказалось и на трактовке проблемы управления, в которой остается неясной сама надобность семасиологических разысканий в вопросе о том, что чему подчиняется при управлении глаголов и при управлении служебных слов⁸.

Гипертрофия семасиологической стороны грамматического явления, выдвигание на передний план его реально-вещественного значения и подмена им значения грамматического сказались также на трактовке степеней сравнения, в недооценке грамматического критерия при определении частей речи в работах некоторых казахских языковедов, например Г. Мусабаева⁹. Основное внимание при анализе степеней сравнения он уделяет семантической стороне изучаемых фактов, между тем как грамматическое значение явления раскрывается им не до конца. В сущности, остается не вполне ясной позиция автора и в тех случаях, когда он высказывается о степенях сравнения как явления грамматическом. Надо ли считать степени сравнения (Г. Мусабаев имеет в виду, между прочим, аффиксальные или редуплицированные формы выражения неполноты или избытка качества в прилагательном) словообразовательной или словоизменятельной категорией, пополняют ли они словарь или служат развитию грамматического строя казахского языка — все это не удается выяснить из рассуждений автора.

Недостаточность грамматического критерия при анализе явлений, относящихся к грамматике, проявляется также и в определении автором имени прилагательного, среди признаков которого лишь один, а именно семасиологический, можно считать более или менее доказанным, в то время как грамматические признаки, т. е. наиболее существенные в учении о частях речи, далеко не всегда специфичны для прилагательного, так как приведенные автором грамматические характеристики могут относиться и к другим частям речи. К сказанному уместно добавить, что из исследования Г. Мусабаева еще полностью не изгнаны элементы вульгарного социологизирования, столь характерные для «нового учения» о языке.

Как М. Балакаев, так и Г. Мусабаев основательным образом переработали свои диссертации после опубликования замечательных трудов И. В. Сталина по языкознанию. Автореферат докторской диссертации М. Балакаева публиковался в нескольких редакциях, так как автор каждый раз обнаруживал в очередной редакции какие-либо недосмотры теоретического характера. Это говорит о добросовестности названных товарищей, об их искреннем стремлении избавиться от заблуждений, порожденных вульгаризаторской теорией Н. Я. Марра. Однако, как показывают приведенные факты, работу по ликвидации всех последствий влияния теории Н. Я. Марра нельзя еще в Казахстане считать законченной.

В сущности тем же преувеличением роли семантики, распространением ее значения чуть ли не на весь строй языка объясняются и ошибки А. Калыбаевой, в частности «обнаружение» ею залогов или залоговых значений в незалоговых формах отглагольных имен и даже отименных прилагательных на основании известного семантического сходства между такими именами и залоговыми значениями. Ослепление семантической стороной обследуемых фактов приводит молодого автора нередко к курьезам, каковыми являются, в частности, ее примеры *жаралы* «раненый» — этимологически «имеющий (аффикс -лы) рану (существительное *жара*)»; или *аттас* «тезка» — этимологически состоящий из существительного *ат* «имя» и аффикса со значением соучастия -*тас*; или *ашулы* «открытый» — этимологически состоящий из отглагольного имени *ашу* «открывание, открытие» и аффикса -*лы* с вышеуказанным значением, и многие другие. Присвоение залоговых значений незалоговым формам отглагольных имен и именам существительным вообще касается не отдельных случаев, но проходит через все исследование А. Калыбаевой.

Переоценку семантики, подмену ею морфологии можно, наконец, видеть и в своеобразной интерпретации явлений словообразования, как мы это наблюдаем, например, в статье Н. Сауранбаева. Целый ряд казахских словообразовательных именных форм, таких как -*ғыш*, -*лығ*, -*ағ* // -*ғ*, обозначающих орудие или предмет с известным назначением, т. е. имеющих семантику функции, объявляется автором конкретным выражением действия «закона функции», более известного лингвистам под названием закона «функциональной семантики»¹⁰, роль которого так непомерно была раздута в работах Н. Я. Марра и его последователей.

⁸ См. там же, стр. 4.

⁹ См. Г. Мусабаев, указ. соч.

¹⁰ См. Н. Сауранбаев, Об исследовании словарного состава казахского языка в свете гениальных трудов И. В. Сталина, сб. «Вопросы казахского языкознания в свете трудов товарища И. В. Сталина», Алма-Ата, 1951, стр. 46 [на казах. яз.].

Мы привели выше наиболее характерные и ясные случаи переоценки семантической стороны грамматических явлений и недооценки их грамматической стороны, расширения сферы действия семантики на грамматику и подмену ею последней. Однако, помимо этих ясных случаев, семасиологическую интерпретацию можно найти и в других местах названных выше работ. Можно, пожалуй, сказать, что наиболее распространенным заблуждением в цитированных нами работах казахских товарищей является именно преувеличенное представление о роли семантики в явлениях грамматического порядка, корни чего, конечно, следует искать в «новом учении» о языке.

С этим заблуждением тесно связано и смешение логических и грамматических категорий, которое нашло отражение в диссертации М. Балакаева. Как известно, Н. Я. Марр и его последователи не проводили строгих границ между синтаксическими категориями подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, с одной стороны, и логическими категориями субъекта, предиката, объекта и атрибута — с другой, смешивая на практике первые со вторыми. Подобной путаницы не избежал и М. Балакаев. Названные нами грамматические и логические категории он употребляет параллельно, нигде не разъясняя читателю свои мотивы столь свободного обращения с разнородными величинами. Смешение логического и грамматического выразилось прежде всего в приведенной выше проблеме активности-пассивности субъекта. С ней теснейшим образом связана характерная трактовка автором важного и интересного вопроса о выделении подлежащего из определительного сочетания существительных (типа *мен алғаным* из *менім алғаным* в предложениях с *бар, жоқ, керек* и т. д.) и изменения предложений со сказуемыми *бар* «имеется», *жоқ* «нет», *керек* «нужно» и другими, что наблюдается не только в казахском, но также и в узбекском и других языках тюркской группы и имеет принципиальное значение для истории развития предложения в тюркских языках. Вопреки мнению автора, процесс синтаксического преобразования определительных отношений в предикативные не имеет отношения к «активизации» «пассивно воспринимаемых» субъектов в родительном падеже, ибо выделение подлежащего из «изафетной» связи (так именуется в тюркологии определительное сочетание существительных) в предложениях с *бар, жоқ* и т. д. связано с тем, что в последних устанавливается иная предикативная связь, более соответствующая преобладающему типу предложения в тюркских языках. Место подлежащего — действия, соотношенного с лицом в форме показателя принадлежности (т. е. сочетания типа *менім алғаным*, дословно «мое взятие»), заступает подлежащее — лицо, исполнитель действия (т. е. *мен* «я» — подлежащее, *алғаным бар* «брал» — сказуемое). И только в этом смысле можно говорить о разрешении противоречия между старой формой и новым содержанием.

Преувеличение роли синтаксиса за счет преуменьшения роли морфологии сказуемого в трактовке А. Калыбаевой залогов в качестве синтаксической категории в ее работе о залогах в казахском языке. Автор прямо заявляет о синтаксической сущности залога, говорит о том, что смысл и значение залога, равно как и функция его определяются предикативным употреблением и т. д. Не трудно догадаться, что ближайшим источником рассуждений автора явились работы И. И. Мещанинова («Члены предложения и части речи» и «Глагол»), на которые А. Калыбаева ссылается в нескольких местах своего исследования, не подозревая, видимо, того, что И. И. Мещанинов являлся наиболее авторитетным и влиятельным учеником Н. Я. Марра.

Переоценка синтаксиса заметна и в диссертации М. Балакаева, о которой шла речь выше. Она выразилась у автора в сбивчивой и путаной трактовке отношений главных членов предложения. Положение М. Балакаева о том, что сказуемое является главной опорой предложения, имеет вообще достаточное распространение среди тюркологов. И это, конечно, верно, но только для сказуемых в личной форме или с предикативным аффиксом. В таком сказуемом заключена, если можно так выразиться, сердцевина предложения, т. е. предикативная связь. Вот почему основной формой предикативной связи являются не синтаксическая категория порядка слов в предложении, как это утверждает автор, а морфологические способы выражения предикативности. Недооценка этих способов выражения сказуемого в тюркском предложении приводит автора к утверждениям, подобным тому, что морфологические предикативные формы «...служат не столько для выражения предикативности, сколько для установления синтаксической связи (! — Э. С.) сказуемого с подлежащим»¹¹. Бессодержательность и противоречивость приведенной формулировки очевидна, поскольку «установление синтаксической связи сказуемого с подлежащим» и есть предикативность.

Зато непомерно поднята автором роль словорасположения. «В казахском языке, — пишет он, — порядок слов является основой грамматического строя»¹² (разрядка наша. — Э. С.). Помимо того, что подобное определение игнорирует морфологию как важнейшую часть грамматического строя казахского языка, оно просто не считается с общеизвестными фактами тюркских языков. В последних существует два типа порядка слов: письменно-литературный и устный. Следуя автору, отсюда можно

¹¹ М. Б. Балакаев, указ. соч., стр. 22—23.

¹² Там же, стр. 35.

было бы прийти к нелепому заключению, что у грамматического строя казахского языка две основы. Самый факт того, что «могут отдаляться от своего компонента, — как пишет автор, — не только слова, связанные между собой приемом управления, согласования и соподчинения, т. е. путем аффиксации, но и слова, связанные приемом примыкания»,¹³ никак не вяжется со взглядом М. Балакаева на основополагающую роль порядка слов во всем грамматическом строе казахского языка и свидетельствует, наоборот, о силе и значении других грамматических факторов, в том числе в огромной степени и факторов морфологических.

Некоторые казахские языковеды еще полностью не освободились от легкого и бездумного отношения к основанному на проверенных фактах научному доказательству. Нельзя не признать, что беспечность в отношении фактической стороны трактуемых вопросов, перенесение бремени доказательств в сферу беспочвенных рассуждений и отрывочных, случайно вырванных из цепи фактов, как известно, были характерны для научной «методики» представителей «нового учения» о языке. Казахские языковеды не доходят до этих крайностей, но в их не всегда серьезном отношении к научному аргументу, без которого невозможно даже простая постановка проблемы, сказываются отголоски приемов научной работы «учеников» и последователей Н. Я. Марра. Бездоказательные утверждения можно встретить у некоторых авторов — Г. Мусабаева и др., например, при освещении вопросов истории казахского языка, которому приписывается письменность еще в V в., а кроме того, ряд памятников, принадлежавших другим языкам, и который возводится к «общему кыпчакскому древнетюркскому языку», неизвестному пока в науке, и даже к языку древнейшего племени уйсуней, о которых история и лингвистика не знают в сущности ничего¹⁴.

Повторяя вслед за Н. Сауранбаевым версию об «общем кыпчакском древнетюркском языке», Г. Мусабаев был обязан прежде всего сослаться на факты, памятники названного языка или же, опираясь на косвенные и сравнительно-исторические данные, сделать попытку теоретической реконструкции этого языка. Автор не делает ни того, ни другого, да и не может сделать, так как сегодня еще трудно говорить о древнекыпчакском языке как о «едином языке народности». «Кыпчакская языковая общность», выдвигаемая автором, на данном этапе наших знаний об истории тюркских языков может быть пока лишь классификационной рубрикой применительно к современным языкам. В тюркском языкознании известны памятники нескольких древних кыпчакских языков, иногда удаленных друг от друга на многие тысячи километров. Каковы исторические связи этих разных языков, можно ли возвести их к одному языку-основе — все эти и многие другие важные вопросы еще ждут своей постановки, и потому совершенно очевидно, что нельзя начинать с конца, как поступает Г. Мусабаев, т. е. исходить из существования единого языка древнекыпчакской народности, в то время как неизвестно еще само начало, т. е. пока не найдены реальные данные для постановки самого вопроса.

Незаконно говорить о диалектах применительно к «языковой общности», как это делает автор, ибо языковая общность не есть общенародный язык, «единый язык народности». Тем самым отпадает вопрос о диалекте кыпчакского языка, как предке казахского языка. И совершенно уже гипотетический характер носит предположение о сложении казахского языка «на базе уйсунского племенного диалекта»,¹⁵ на чем настаивает также С. Амаилов. Доказательства автора, как и сторонников этой точки зрения вообще, наивны, поскольку эти доказательства с равным успехом можно было бы применить к языкам, весьма далеким от казахского.

Г. Мусабаев силится доказать, что язык так называемого Таласского памятника по своему грамматическому строю и основному словарному фонду (?) идентичен именно казахскому языку. Однако он вынужден тут же признать, что язык названного памятника является общим для всех языков кыпчакской группы. Почему только кыпчакской? — спросим мы автора, да и как можно вообще на основании нескольких отрывочных фраз памятника делать заключения о грамматическом строе его языка и даже об основном словарном фонде, когда во всем памятнике всего 14 различных слов, не считая нескольких повторений! Какие научные доказательства, далее, можно представить в пользу того, что «Таласский памятник есть памятник языка племен, уйсун и канглы»¹⁶? Подобные доказательства в науке неизвестны. В дальнейшем Г. Мусабаев уже прямо приписывает казахскому языку в качестве его памятников Таласский памятник, енисейско-орхонские надписи и Диван Махмуда Кашгарского. Как же иначе

¹³ Там же.

¹⁴ См. С. А м а н ж о л о в, Советское языкознание на новом этапе и некоторые вопросы казахского языка, сб. «Вопросы казахского языкознания...», стр. 12; Г. М у с а б а е в, Становление и развитие казахского литературного языка и вопросы казахской диалектологии, Алма-Ата, 1952, стр. 12 и 15 (эту же статью см. в вышеуказанном сборнике и в «Вестнике АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1951, № 9).

¹⁵ Г. М у с а б а е в, Становление и развитие казахского литературного языка..., стр. 12.

¹⁶ Там же, стр. 15.

можно понять его слова о том, что элементы современного казахского языка «...зафиксированы в древнетюркских памятниках, например: таласские записи (V—VI вв.), орхоно-енисейские записи (VIII в.), Дивани Лугати ат тюрк Махмуда Кашгари (XI в.) и др.»¹⁷. Двумя страницами дальше автор спешит заявить, что «хотя эти памятники нельзя отнести к собственно казахским памятникам, тем не менее мы констатируем, что язык этих памятников ближе всего в основе той подгруппе тюркских языков, которые условно принято в тюркологии... именовать кыпчакскими, куда и входит казахский язык». Читатель в затруднении. Где же верить Г. Мусабаеву, в первом или во втором случае?

В другом месте автор пишет: «Если мы обратимся к документам из истории племен, вошедших в состав казахской народности, то нельзя утверждать, что после V века существовали у них свои отдельные языки. Они уже были объединением племен с единым общеплеменным языком, понятным для всех членов указанного союза племен»¹⁸. Откуда все это взято? Откуда Г. Мусабаеву известно, что после V в. — если эта произвольная историческая веха вообще может иметь какое-либо значение для истории казахского языка — племена, вошедшие в состав казахского народа, не имели своих языков, а говорили на едином общеплеменном, т. е. о б щ е к ы п ч а к с к о м языке? Все эти и многие другие вопросы, которые можно было бы поставить автору, останутся без ответа, так как состояние тюркского языковедения и исторической науки пока не позволяют их разрешить.

Отмеченные выше ошибки и недостатки в работах казахских языковедов имеют своим источником теорию Н. Я. Марра и практику научной работы у сторонников этой теории.

Наряду с этими ошибками необходимо указать и на другие, проистекающие от внеисторического толкования некоторых положений И. В. Сталина. Работы казахских языковедов не свободны, кроме того, от спорных или неверных утверждений, не имеющих, однако, методологического характера.

К числу ошибок первого рода можно отнести, например, статическое изображение казахского языка, якобы одинакового на всех этапах своего развития (у Г. Мусабаева)¹⁹, принципиальный отказ от включения в основной словарный фонд казахского языка слов иноязычного происхождения (у Н. Сауранбаева, С. Аманжолова)²⁰.

Г. Мусабаев много говорит об истории казахского языка. Но в сущности у него нет исторического взгляда на язык, хотя в то же время он как будто понимает необходимость связывать язык с историей его носителей. Г. Мусабаев не делает различия между языком нации, народности и племени, забывая сталинское учение об историческом движении языка. В изображении автора казахский язык таким, каким он является сегодня, предстает уже в древнейшее время, чуть ли не на заре нашей эры. Качественных изменений в казахском языке за время его длительной исторической жизни автор не видит. Казахский язык у Г. Мусабаева в сущности не имеет своей истории. Именно с этих антиисторических позиций и открывает автор свой критический огонь по М. Ауэзову и С. Аманжолову — одному из наиболее последовательных в недалеком прошлом сторонников теории Н. Я. Марра в Казахстане. Необходимо всецело поддержать готовность и желание Г. Мусабаева бороться за очищение казахского языковедения от всех и всяческих остатков и рецидивов марризма, за критику ошибочных положений в работах казахских языковедов, в частности в работах С. Аманжолова. Но нам представляется, что борьба против проявлений и повторений «нового учения» о языке на казахской почве не всегда ведется автором с надлежащих позиций.

Внеисторическим отношением к языку объясняются также положение С. Аманжолова о том, например, что «заимствованные слова не могут входить в основной словарный фонд казахского языка»²¹, или положение Н. Сауранбаева о том, что в основной словарный фонд казахского языка входят древнейшие корни и производные основы²². Таким образом, и при этом определении для заимствований в основном словарном фонде места не остается. Оба языковеда, к сожалению, ограничиваются простым утверждением, не обременяя себя доказательствами. При этом С. Аманжолов, скажем мягко, не совсем точно цитирует высказывание И. В. Сталина. На самом деле в казахском языке имеются десятки и сотни новых и старых слов основного словарного фонда, имеющих иноязычное происхождение, вошедших в казахский язык из русского. Едва ли, например, можно сомневаться в принадлежности к основному словарному фонду казахского языка таких слов, как *дос* «друг», *жан* «душа», *баға* «цена», *әдет* «обычай», *мәселе* «проблема», «вопрос» и производных от них, таких заимствований из русского,

¹⁷ Г. Мусабаев, Становление и развитие казахского литературного языка..., стр. 58.

¹⁸ Там же, стр. 15.

¹⁹ См. там же.

²⁰ См. Н. Сауранбаев, указ. соч., стр. 42; С. Аманжолов, указ. соч., стр. 22.

²¹ С. Аманжолов, указ. соч., стр. 22.

²² См. Н. Сауранбаев, указ. соч., стр. 42.

как *революция*, *совет*, *колхоз*, *план*, *машина* и многих других. Еще больше заимствованных слов в составе основного словарного фонда можно обнаружить в старописьменных языках, таких, как азербайджанский, узбекский, татарский. В основной словарный фонд, например, узбекского языка входят не только заимствованные имена типа *лаб* «губа», *гушт* «мясо», *муй* «волос» и др., но также производные от заимствованных имен глаголы типа *гапирмоқ* «говорить» от *гап* «слово», «слова», «разговор»; *гумонсирамоқ* «подозревать (слегка)» от *гумон* «подозрение», «предположение», «сомнение»; *айбламоқ* «винить», «обвинять» от *айб* «вина», «провинность», «проступок» и некоторые другие.

С внеисторическим подходом к проблемам языка связаны также спорные, на наш взгляд, представления Г. Мусабаева о литературном языке в его отношении к общенародному языку. Автор пишет: «Литературный язык является высшей формой единого языка данного народа. В большинстве случаев сейчас мы вкладываем в этот термин понятие национального языка, но плюс к этому указанный термин содержит в себе и понятие общего письменного языка того или иного народа»²³. Здесь спорно или неверно все: 1) спорно само скрытое противопоставление литературного языка, как высшей формы, нелитературному языку, каковым может быть лишь общенародный разговорный язык; 2) спорна попытка предложить универсальную формулу, которая подошла бы для литературного языка вообще; 3) неверно ограничение понятия литературного языка рамками лишь национального языка.

Исторически отношение литературного языка к общенародному разговорному языку менялось, обильный материал для подтверждения этого может доставить любой из тюркских языков, имевших письменность до Великой Октябрьской социалистической революции. Даже во времена, близкие к нашей эпохе, отделенные от нас промежуток не более чем в 50 лет, мы видим иное соотношение между литературным и общенародным разговорным языком, чем это наблюдается сегодня. На процессе формирования литературного языка сказывается то обстоятельство, что «люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку»²⁴. Прекрасные и весьма поучительные иллюстрации к этому дает история азербайджанского, узбекского, татарского языков. История формирования литературного казахского языка содержит не менее яркие примеры борьбы отдельных социальных групп, классов за литературный язык, стремление их поставить литературный язык на службу своим потребностям, навязав ему свой особый лексикон, свои особые термины и выражения.

В чем источник спорных или неверных рассуждений Г. Мусабаева? Его ошибка заключается в отождествлении литературного языка с общенародным разговорным языком на всех этапах развития первого. В соответствии с этим начало литературного языка автор относит к глубочайшей древности²⁵. Но с подобным предположением никак не вяжется то, что было сказано автором раньше: «Термин „литературный язык“ всегда связывали с письменностью так же, как и само название „литературный“... С точки зрения современности это, конечно, верно, потому что на определенной стадии общественного развития, в связи с возникновением государства, появляется и приобретает особое значение письменность, и в это же время возвышается значение литературного языка»²⁶.

Впрочем автор, как видно, и сам не очень верит в существование бесписьменного казахского литературного языка задолго до нашествия Чингис-хана. Отсюда его стремление во что бы то ни стало разыскать следы древней письменности у казахов. И он их «находит» простым логическим путем: древний памятник тюркской (уйгурской) письменности «Кутадгу билиг» Юсуфа хас-хаджиба Баласагунского написан на территории южного Казахстана; следовательно, «...наши предки,— заключает Г. Мусабаев,— имели свою письменность»²⁷. Пользуясь тем же приемом доказательства, мы могли бы возразить автору следующим образом: так как точное местонахождение древнего города Баласагуна, откуда происходит автор названного памятника, пока не установлено и этот пункт мог находиться также в северном Узбекистане близ современной границы Казахстана, то вопрос о древней письменности у казахов сам собой отпадает. Но могут ли считаться научными и вообще серьезными подобного рода приемы? Нам кажется, что нет. Мы уже не говорим о том, что аргументировать свою мысль ссылкой на «территорию современного Казахстана» наивно.

Что касается неверных или спорных утверждений, не имеющих, однако, методологического характера, которые мы находим в работах казахских лингвистов, то упомянуть, например, на довольно распространенное заблуждение, разделяемое не только казахскими языковедами, относительно того, что вместе с заимствованиями из

²³ Г. М у с а б а е в, Становление и развитие казахского литературного языка..., стр. 21.

²⁴ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 13.

²⁵ См. Г. М у с а б а е в, Становление и развитие казахского литературного языка..., стр. 28—29.

²⁶ Там же, стр. 22.

²⁷ Там же, стр. 34.

русского в казахский язык (и другие тюркские языки) вошли и закрепились интернациональные суффиксы *-изм, -ист* и т. д. Это ходячее мнение повторяет А. Калыбаева в своей неудачной статье, помещенной в цитированном уже сборнике. На самом деле словопроизводными формами в тюркских языках могут считаться лишь такие, которые свободно создают или исторически создавали новые слова из корней и основ, в числе их и тюркского происхождения. Подобными возможностями суффиксы *-изм, -ист* и др. на тюркской почве пока не обладают. Они входят в тюркские языки в качестве нерасчленимой части заимствованных слов. Самое большее, что им можно пока присвоить, это значение приметы существительных и прилагательных. Самый отбор таких примет в научном отношении должен быть достаточно надежным, чтобы не было досадных приключений, как это случилось с А. Калыбаевой, которая обнаружила новый аффикс *-ат* в словах *демократ, аристократ* и т. п. и даже аффикс *-ея* в словах *идея, батарея* и т. п.²⁸

Неверным также следует признать у того же автора утверждение, что единственной отличительной чертой глагольного сказуемого от именного является наличие в нем залоговой категории²⁹. Неверно смешение некоторых специально словообразовательных форм с залоговыми и др.

Существенным пробелом в работах казахских лингвистов является все еще недостаточное пользование сравнительным и сравнительно-историческим методами, значение которых казахские лингвисты как будто хорошо понимают и признают. Было бы, разумеется, неверно закрывать глаза на некоторые трудности объективного порядка, проистекающие от того, что за годы господства «нового учения» о языке сравнительно-исторический метод был предан забвению и число специалистов, пользующихся названным методом, сузилось до предела. За последнее десятилетие на местах выросло и сложилось целое поколение тюркологов, не знакомых со сравнительно-историческим методом и слабо знающих сравнительный метод. Все это, конечно, должно быть принято во внимание при анализе лингвистической продукции по тюркским языкам, появившейся за последние два года.

Недостаточным овладением названным методом за время, истекшее после исторических выступлений И. В. Сталина по вопросам языкознания, следует объяснить в значительной мере ошибки или промахи, которые обнаруживаются в исследованиях, прямо или косвенно затрагивающих вопросы истории казахского языка.

Перечисленные нами ошибки или неверные утверждения казахских лингвистов, имеющие своим источником теорию и практику лингвистической работы у сторонников «нового учения» о языке, или неправильное понимание некоторых положений лингвистического учения И. В. Сталина говорит о том, что в лингвистических учреждениях Казахской ССР еще не преодолено влияние марровских идей, в должной мере еще не внедрено в практику научно-исследовательской работы марксистское учение о языке, гениально обоснованное и разработанное И. В. Сталиным.

Среди основных причин, затянувших процесс изживания идей «нового учения» о языке или приведших некоторых казахских лингвистов к повторению старых ошибок, в первую очередь следует указать на слабый пока уровень научной критики и самокритики в лингвистических учреждениях Казахстана. Не случайно, конечно, отсутствие критических и самокритических высказываний в неоднократно цитированном выше сборнике, посвященном вопросам казахского языкознания в свете трудов И. В. Сталина. Участники сборника должны были бы рассказать читателю о своих ошибках в недавнем прошлом. Вместо этого они стали на путь взаимного замалчивания марровских ошибок.

Успехи дальнейшей лингвистической работы в Казахстане будут тем больше, чем шире и глубже внедрится метод свободных творческих дискуссий по важнейшим вопросам казахского языкознания, чем шире будут открыты двери товарищеской критике, как основному принципу борьбы с ошибками и промахами в научной работе.

Перед казахскими лингвистами стоит ряд спорных вопросов, в числе которых в первую очередь должны быть названы: вопрос о казахских диалектах, о сложении казахского языка, об отношении между литературным и общепародным разговорным языком. Опыт прошедших лет показал, что решения названных вопросов нельзя добиться ни путем поспешных теоретических построений, лишенных серьезного фактического обоснования, ни путем бесплодных споров, бессильных заменить кропотливое научное исследование. Решение спорных и вместе с тем кардинальных для теории и практики казахского языкознания проблем может быть найдено лишь на путях всемерного внедрения марксизма в научно-исследовательскую работу решительного разоблачения и устранения остатков и повторений марризма, терпеливого и упорного изучения фактов, их систематизации и обобщения в свете классического труда творческого марксизма, принадлежащего перу великого корифея науки И. В. Сталина.

Э. В. Севортян

²⁸ См. А. Калыбаева, Создание терминологии казахского языка, сб. «Вопросы казахского языкознания...», стр. 123.

²⁹ См. ее же, Категория залога в казахском языке, стр. 56.